

Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность

Забузов Олег Николаевич

канд. полит. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-6032-2042, e-mail: zabuzov@mail.ru

Аннотация

В статье определено проблемное поле понимания сущности, проанализирована природа и семантические составляющие политических технологий. Определены место и значение прилагательного «политическое» в смысловом наполнении понятия «политические технологии». Обозначены условия приобретения социальными технологиями функций политических. Снята числовая неопределенность применительно к политическим технологиям. Показана особенность принятия на вооружение политических технологий в своей деятельности и иными, отличными от политических акторов, социальными субъектами. Предложено авторское видение сущности содержания политических технологий.

Проанализированы различные авторские подходы ученых к определению структуры политических технологий. Предложено авторское видение структуры политических технологий с позиции их политической индифферентности. К составляющим структуры политических технологий нами отнесены: целеполагание, концептуальный компонент, содержательный компонент, процессуальный компонент, результативно-оценочный компонент. Дана краткая характеристика составляющим такой структуры.

Исследованы функции политических технологий с позиции их политической индифферентности. Предложены методологические основания, которые выступили базисом для определения этих функций. Именно политические интересы являются драйвером, побуждающим политических акторов к применению той или иной политической технологии или совокупности таковых. Выделены наиболее значимые, по мнению автора, функции. Приведены примеры отдельных политических технологий, наиболее ярко характеризующих выделенные функции. Показана индифферентность политических технологий: по своему содержанию, структуре и функциям политические технологии «безразличны» по отношению к политическому процессу, к тому, кто их использует.

Ключевые слова: власть, индифферентность, компоненты, нейтральность, общество, политические технологии, политические процессы, социум, структура, функции, целеполагание.

Цитирование: Забузов О.Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность// Управление. 2020. № 2. С. 81–90.

Political technologies: structural and functional indifference

Zabuzov Oleg

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, ORCID: 0000-0001-6032-2042, e-mail: zabuzov@mail.ru

Abstract

The problem field of understanding the essence of political technologies has been defined in the article. The nature of political technologies has been analysed. Semantic components of political technologies have been studied. The place and meaning of the adjective “political” in the semantic content of political technologies have been determined, the conditions for the acquisition of political functions by social technologies have been indicated. Numerical uncertainty in relation to political technologies has been removed. The peculiarity of adopting political technologies in their activities and other social subjects that differ from political actors has been shown. The author’s vision of the essence of the content of political technologies has been proposed.

The structure of political technologies in the context of its political indifference has been studied. Various authors’ approaches of scientists to determining the structure of political technologies have been analysed. The author’s vision of the structure of political technologies from the point of view of their political indifference has been offered. We referred to components of the structure of political technologies: the goal setting, the conceptual component, the content component, the procedural component, the performance-evaluation component. A brief description of the components of the structure of political technologies has been given.

The functions of political technologies from the point of view of their political indifference have been explored. The methodological bases, that served as the basis for determining these functions are political interests which are the political driver that encourages political actors to use a particular political technology or a combination of them have been offered.. The most significant, in our opinion, functions of political technologies have been highlighted. Examples of individual political technologies that most clearly characterize the selected political functions have been given. These examples show the functional indifference of political technologies.

The functional indifference of political technologies has been shown: in terms of their content, structure and functions, political technologies are "indifferent" to the political process, to the person who uses them.

Keywords: components, functions, goal setting, indifference, neutrality, political processes, political technologies, power, society, socium, structure.

For citation: Zabuzov O.N. Political technologies: structural and functional indifference (2020) *Upravlenie*, 8 (2), pp. 81–90. DOI: 10.26425/2309-3633-2020-2-81-90

При кажущейся простоте и общеупотребительности понятия «политическая технология» пристальное препарирование этого термина дает понять, что вопросов относительно его толкования, научного использования и практического приложения достаточно много. Во-первых, ученым не совсем ясна суть понятия «технология». Видимо, поэтому нет однозначно устоявшейся трактовки этого понятия как в научных исследованиях, так и в учебной литературе. Во-вторых, учитывая, что политические технологии подразумевают их применение в социуме, то специфика их приложения не вообще, а к конкретному социуму и, скорее всего, во власти, также требует уточнения. В-третьих, определенный проблемный отпечаток в понимании сущности феномена политических технологий налагает прилагательное в этом словосочетании, а именно «политическое». Ведь до сих пор однозначно определить сущность политического никому не удалось. В-четвертых, не совсем ясно, в какой числовой грамматической категории использовать это словосочетание: в единственном или во множественном числе. В-пятых, далеко не всегда понятна структура и функции политических технологий и их связь с политическими акторами. Естественно, проблемный список этим не ограничивается.

Мы ставим главной целью статьи показать политическую индифферентность политических технологий. Подчеркнем, что сами технологии не несут никакой направленности по отношению к политическим акторам, а являются всего лишь средством в достижении поставленных политических целей активными политическими субъектами.

Методологические основания

В словарных статьях словарей русского языка слово «технология», как совокупность процессов, операций и знаний о них — никуда не направлена, ни на что не ориентирована [15, с. 692; 1, с. 1322]. Не установлена также и последовательность такого рода операций, методов и процессов. Стоит предположить, что технология в данном случае подразумевает или совокупность определенных действий, или они носят фрагментарный порядок в более высокой иерархии аналогичных процессов.

Отметим несколько укрупненных обобщающих характеристик различного рода технологий, применимых к различным сферам социума:

1) приложение сферы технологий главным образом обусловлено их названием, оно не выходит за сферу социального. К примеру, социально-экономическая сфера, социально-информационная и т. д.;

2) в большинстве своем технология — совокупность различного рода операций, методов и процессов;

3) целевая функция применения технологии направлена на получение запланированного результата;

4) технологии не обязательно имеют равноположительную направленность, более того, они могут находиться в противостоянии применяющим их субъектами, а по своей сути политически индифферентны.

Немаловажным стоит уделить внимание содержанию прилагательного «политическое» в термине «политическая технология». Шмиттовская связка «друг—враг» в политических технологиях проявляется и в направленности приложения этих технологий активными субъектами политики, т.е. в поддержку действующей власти, или в оппонировании ей [20]. Ввиду этого напрашивается еще один вывод о так называемых «чистых» и/или якобы «грязных» политических технологиях. Естественно, в научной литературе и обширной практике имеется отражение их применения в политических реалиях различных стран.

Более того, отдельные технологии могут приобретать функции политических, как только с их помощью начинают реализовываться властные функции активными субъектами — пользователями этих технологий. Можем заключить, что одной из ключевых характеристик, определяющей ту или иную технологию в качестве политической, является ее приложение к политическому процессу, где первоочередным является использование такой технологии как средства в борьбе за власть, использование власти, распределение власти.

К примеру, в XX в. одной из главнейших технологий удержания и эффективного использования власти являлась бюрократия. Бюрократия — именно как технология (а не только как некая социальная группа), направленная на достижение реальных политико-управленческих целей. Как отмечает бывший главный редактор журнала *Foreign Policy* и исполнительный директор Всемирного банка М. Наим, — «к началу XX в. появление современной бюрократии позволило эффективно использовать власть. Самые успешные мировые корпорации (а с ними и благотворительные организации, церкви, армии, политические партии и университеты) прибегали к бюрократическому применению власти, чтобы одолеть конкурентов и отстаивать собственные интересы» [13, с. 69].

Стоит обратить внимание на один немаловажный факт, а именно числовую неопределенность, применимую к политическим технологиям, т. е. использование этого понятия, как во множественном, так и в единственном числе [19; 3]. Возникает вопрос: когда, в каких случаях и чем определяется то или

иное использование? В нашем понимании использование этого понятия во множественном числе обуславливается главным образом совокупностью отдельных политических технологий, объединенных для решения сложных политических задач и достижения политических целей, когда применение одной технологии не позволяет в полной мере достичь желаемого результата. Употребление в единственном числе этого понятия подразумевает рассмотрение политической технологии в качестве самостоятельного социального явления.

«Фундаментальная цель любой технологии, как и любой политики – производить изменения: перенаправлять потоки внимания и интереса, информации и инвестиций, а, в конечном счете – материи и энергии. Все остальное делается, скорее всего, для отвода глаз» [5, с. 405]. Сегодня мы можем видеть своего рода диверсификацию деятельности социальных субъектов в различных политических процессах. Политические технологии могут агрегироваться с другими видами технологий, да и иные неполитические технологии, как только начинают применяться в политических целях, приобретают «статус» политических технологий. Более того, сегодня мы можем наблюдать поистине глобальную трансформацию в политических процессах. Например, когда уникальный политический актор, может выступать своего рода политической технологией в достижении определенных политических целей более высоким в иерархии политическим субъектом.

К примеру, в 1953–1954 гг. президент Гватемалы Х. Арбенс распорядился о национализации земель принадлежавших американской компании United Fruit. Руководство United Fruit стало искать поддержку в правящих кругах США. В апреле 1954 г. власти США потребовали от властей Гватемалы компенсации для United Fruit. Получив отказ, ЦРУ организовало переворот в стране, в результате которого к власти пришел проамерикански настроенный К. Армас, вернувший земли United Fruit [18].

Ввиду этого, перечень политических технологий не может нести законченный вид, а сами технологии, их количество и качественная характеристика определяются уровнем развития самого общества. «... Однажды изобретенные основные инфраструктурные технологии практически никогда не исчезали из человеческих практик. Хотя верно и то, что часто ранее возникшие технологии власти не подходили для проблем последующего общества и потому исчезали. За исключением полностью устаревших, их исчезновение было временным, и впоследствии они возрождались» [10, с. 726].

В нашем понимании, *политические технологии* – совокупность определенных операций, методов и процессов воздействия социальных субъектов на объекты политического пространства (на политические процессы) с целью достижения реальных политических (политико-управленческих) целей.

Структурная индифферентность политических технологий

По мнению профессора А. И. Соловьева, в структуру политических технологий, как правило, входят три наиболее значимых компонента: «1) специфические знания; 2) конкретные приемы, процедуры и методики действий; 3) различные технико-ресурсные компоненты», т. е. по сути, структура политических технологий по А. И. Соловьеву отождествляется с набором определенных компонентов, совокупность применения которых, обеспечивает должное или на требуемом уровне, достижение политической цели, или решение политической (политико-управленческой) задачи [16, с. 380]. Специалист-политолог по противодействию терроризму С. М. Бутрин достаточно близко разделяет позиции, предложенные профессором А. И. Соловьевым [2, с. 14]. На схожих позициях относительно структуры политических технологий стоит социолог В. В. Щербина [21].

Занимающийся урегулированием конфликтов исследователь А. Ф. Нагайчук утверждает, что «технология имеет определенную структуру, главной частью которой является ее идейно-содержательная, стратегическая или идеологическая часть, которая отвечает на вопрос: «почему, для чего и к чему стремиться регулирующий субъект?». Далее, в структуру технологии включаются информационно-организационные и нормативно-инструментальные основы» [12, с. 85]. Достаточно новым выглядит добавление А. Ф. Нагайчуком «нормативно-инструментальных основ», что, скорее всего, несет правовую природу использования таких технологий. Причем такая природа может быть двойко истолкована. С одной стороны, нормативно-инструментальными основами необходимо руководствоваться в процессе применения политических технологий, с другой – применение технологий может детерминировать трансформацию самого законодательства. Одной из важнейших особенностей рассмотрения структуры политических технологий А. Ф. Нагайчуком стоит выделить один из структурных элементов, несущий целевое предназначение. Ввиду этого одним из структурных составляющих политических технологий, скорее всего, стоит назвать целеполагание.

Заметим, что целеполагание, как структурный элемент политических технологий, не связано с конкретным социальным или политическим субъектом. Оно определяется только лишь обозначенной целью достижения конкретных политических результатов политическим актором.

Достаточно интересен подход ученых-педагогов к определению структуры педагогических технологий. Рассматривая педагогические технологии в образовательном процессе, ученый А. Б. Лепешкина заключает, что структура педагогической технологии включает три элемента: 1) концептуальная основа; 2) содержательная часть обучения; 3) процессуальная часть – технологический процесс [9]. В тоже время, ученый Е. В. Старкова, анализируя структуру модульной технологии развития, делает вывод, что она включает концептуальный, содержательный, процессуальный и результативно-оценочный компоненты, т. е. Е. В. Старкова добавляет к элементам структуры обозначенной ученым А. Б. Лепешкиной еще и элемент обратной связи, или контроля [17].

Мы можем отметить, что обратная связь есть неотъемлемый атрибут любого управленческого процесса, направленного на достижение реальных политико-управленческих целей. Этот элемент свойственен для любого активного политического или социального субъекта. Он может отличаться по способу организации данного процесса, но никаким образом не является уникальным для конкретной технологии, и уж тем более не может быть уникальным для политического актора.

Главные проблемы в понимании структуры политических технологий обусловлены социально-пространственными пересечениями их составляющих. Немаловажным фактором, отчасти, детерминирующим проблему понимания их структуры стоит назвать широкий спектр наук, занимающихся изучением этого феномена, нахождение объекта исследования «политическая технология» на пересечении различного диапазона наук. Относительно устоявшихся целостных подходов к определению их структуры вычленить не получается. Подходы, используемые различными учеными, занимающимися разработкой этой проблемы, базируются в основном на диссимилиационных фундаментах, исходя из своих научных интересов.

В то же время, мы можем отметить то рациональное в рассмотрении структуры политических технологий, которое выделяется различными учеными-политологами. Среди составляющих структуры это и набор специфических знаний, и набор различных операций, методов, процессов, и правовые

основы, и целеполагание. В определенной мере стоит использовать и подход, предлагаемый учеными-педагогами. Отдельные его элементы, выделенные этими учеными, представляют определенный интерес для прояснения структуры политических технологий.

Учитывая произведенные выше размышления относительно структуры политической технологии, выделим ее структурные элементы. В нашем понимании к составляющим структуры политических технологий стоит отнести: целеполагание, концептуальный компонент, содержательный компонент, процессуальный компонент, результативно-оценочный компонент. Остановимся подробнее на качественной характеристике составляющих компонентов структуры политических технологий.

Целеполагание. При кажущейся близости структурных компонентов «целеполагание» и «концептуальный компонент», все же явные отличия есть. Как справедливо замечает ученый Ю. А. Егорова, «целеполагание – основа успеха управления; основа успеха в любых стратегических инициативах» [6, с. 91–92]. Действительно, определение политических целей лежит исключительно на политических лидерах. Но стоит заметить, не все такое лидерство будет обличено в государственную форму. Естественно, в настоящее время имеются и иные политические субъекты, которые могут и оказывают влияние на процессы целеполагания. Их круг достаточно широк: от высшей политической, государственной власти, до международных политических акторов, транснациональных хозяйствующих субъектов и даже преступных организаций. В то же время, «ценностно-смысловые и идеологические компоненты самого политического управления выступают в качестве мощного фактора влияния на целеполагание» [4, с. 322].

Предполагает ли целеполагание определение применения конкретных политических технологий? Или целеполагание выступает своего рода политическим заказом в достижении поставленных целей без определения реального круга политических технологий? Представляется, что в процесс целеполагания возможно развитие по двум вариантам событий. Ввиду этого считаем, что целеполагание является неотъемлемым элементом в структуре политических технологий, пусть и не всегда явно проявляющийся в их структуре (опосредованно), но выступающим тем вектором, который определяет содержание концептуального компонента.

Концептуальный компонент политических технологий. Подразумевая под концепцией систему взглядов на то или иное явление, под этим компонентом

стоит понимать обобщенный набор действий направленных на достижение поставленных в процессе целеполагания целей. Безусловно, концептуальный компонент может включать в себя набор определенных технологий, перспективы расширения их перечня и приложения использования.

Содержательный компонент политических технологий. Включает в себя уяснение ближайшей цели, направленной на достижение требуемого политического результата (достижения требуемой политико-управленческой цели), определение задач по применению той или иной политической технологии, корректировка применения реальной политической технологии.

Процессуальный компонент политических технологий. Представляется, что данный компонент представляет собой ее основную суть. Именно этот структурный элемент, на наш взгляд, содержит основной набор операций, методов и процессов, осуществляемых политическими акторами направленных на получение реальных политических результатов, или достижения требуемого уровня (политико-управленческого) политической цели. Представляется, что отдельная политическая технология может дополняться различного рода приемами, методами и формами достижения поставленных политических целей. В то же время, такие дополнения могут трансформировать и саму политическую технологию, видоизменяя ее и модифицируя.

Результативно-оценочный компонент политических технологий. Данный компонент представляет собой элемент оценивания успешности применения той или иной технологии (совокупности технологий) при ее использовании, направленной на получение требуемого политического результата, или достижения поставленной политической цели. В свою очередь, этот компонент является элементом обратной связи, осуществляющим следящее действие за успешностью применения политических технологий в реальном политическом процессе.

В предложенном нами подходе определения структуры политических технологий можно выделить следующие особенности.

Во-первых, выявленные нами структурные элементы не всегда в полной мере будут входить в рассматриваемый нами феномен политических технологий, т.е. отдельные структурные элементы стоит рассматривать как имеющие относительную опосредованность (в частности – целеполагание).

Во-вторых, компоненты структуры политических технологий выделены с позиции дискретных оснований, что в современной практике, скорее всего, бывает редкостью. Структурные элементы

политических технологий перетекают, дополняют, видоизменяют друг друга.

В-третьих, структурные элементы политических технологий, как и сами технологии по своей сути политически нейтральны. Их содержание определяется всего лишь деятельностью того субъекта, на вооружение которого взята реальная политическая технология [8].

Функциональная индифферентность политических технологий

Нашей задачей является определиться с методологическим основанием, которое может помочь исследованию функций политической технологии. Ввиду этого есть несколько вопросов, которые мы зададим себе в первую очередь. Что является той первопричиной, тем стимулом, выступающим главным рычагом, побуждающим активных субъектов политики к тем или иным политическим действиям, применению тех или иных технологий, средств? Что предопределяет отношение отдельных субъектов политики ко всей совокупности политических отношений в обществе, к властным структурам? Что лежит в основе взаимодействия и состязательности политических сил, их борьбы и сотрудничества, какие технологии положены в основу таких транзакций? Через что реализуется такое дихотомическое взаимодействие?

Непременным условием любой политической деятельности является умение за любыми политическими действиями видеть интересы тех или иных акторов. Ввиду этого, отметим, что политические интересы выступают одной из тех универсальных политических категорий, которые пронизывают все пространство политического. Стоит предположить, что политические интересы будут тем основным драйвером, которые побуждают акторов на применение той или иной политической технологии или совокупности таковых. Из этого следует, что функции политических технологий будут детерминироваться функциями политических интересов и пронизывать их, и по своей сути функции политических технологий индифферентны по отношению к применяемым таким технологиям субъектам политики.

Выделим, на наш взгляд, наиболее значимые функции политических технологий. Таких функций нами выделено пять.

1. *Функция выражения насущных политических проблем различных субъектов общественной жизни, являющаяся мотивом, стимулом их политического поведения.* Здесь в первую очередь стоит назвать политические технологии, направленные на захват, удержание и использование политической власти в интересах определенной социальной группы.

Скорее всего, проявлением такой же функции политических технологий будут являть собой технологии, направленные на агрегирование и артикуляцию социально значимых интересов больших социальных групп. Опять-таки подчеркнем безразличность самих технологий по отношению к применяемым их субъектам, т. е. для выражения своих политических интересов их могут применять как, к примеру, правящая партия, так и ее оппоненты.

К примеру, в прошлом советник президента Р. Рейгана, американский политолог и экономист Э. Люттвак видит главную цель технологии государственного переворота в разобщении госслужащих и политического руководства государства. Скорее всего, это верно. Если за руководством государства лежит принятие политических решений, то за его аппаратом нормативно-правовое оформление и практическая реализация. Одним из главных условий в разобщении такого рода Э. Люттвак отводит политическим, этническим и иным узам лояльности. Действительно, сегодня в некоторых странах многие высокие должности в системе государственного управления раздаются не по профессиональному принципу, а по уровню лояльности к вышестоящему политическому руководству.

Э. Люттвак задается вопросом, почему современные политические режимы стали такими хрупкими. Отвечая сам себе: «может быть из-за технологических изменений в мире». Действительно, события последних лет в Северной Африке, США, Англии, Украине позволяют заключить, что использование социальных сервисов Интернета и мобильных сетей в развитии протестных настроений очень велико. Более того, использование такого рода технологий позволяет достаточно быстро и материально незатратно консолидировать значительное число сторонников для реализации политической цели более высокого уровня [7]. Иногда эта функция рассматривается как аналог так называемой «мягкой силы» [14, с. 148–152].

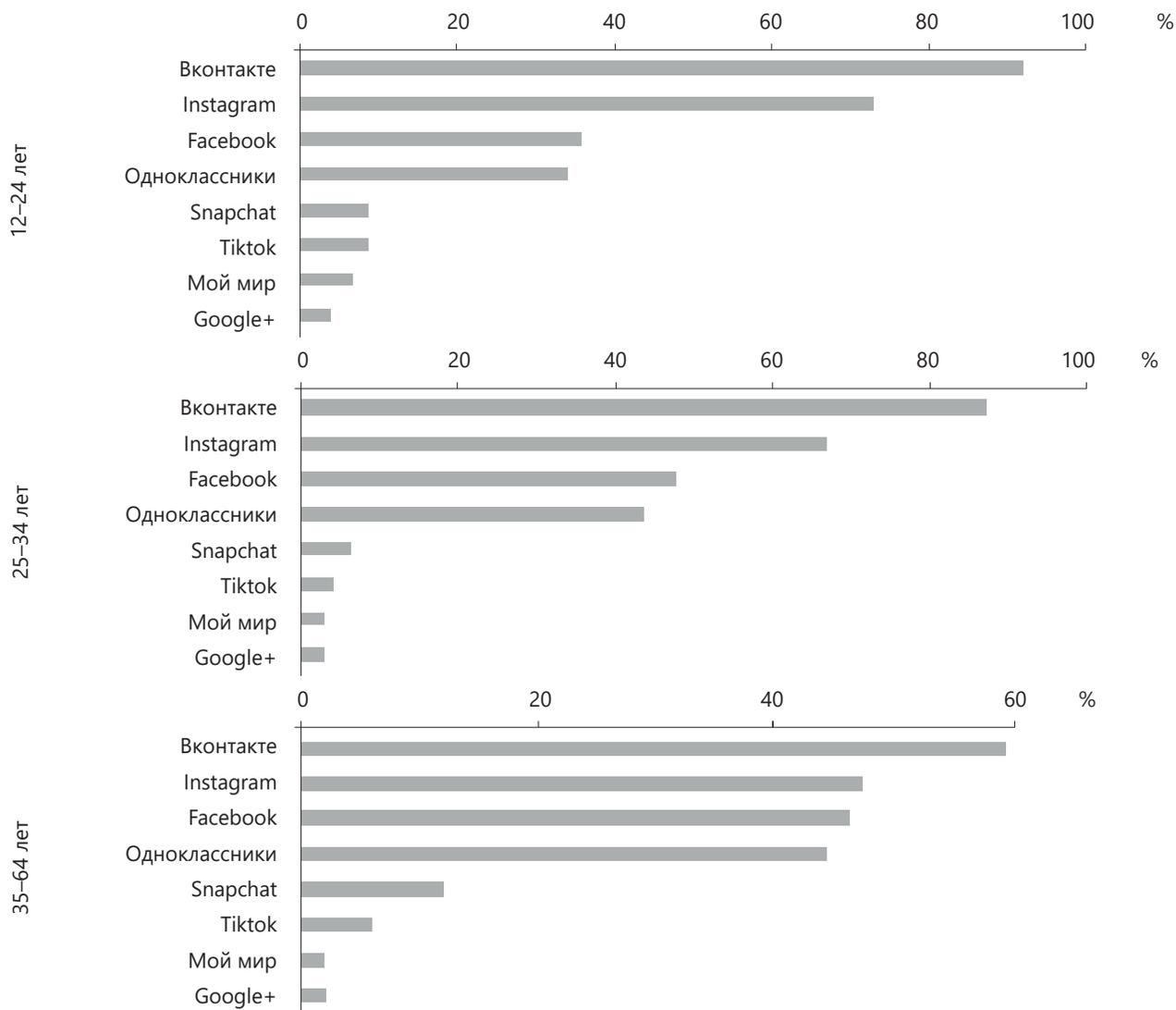
2. *Функция формирования отношения (в первую очередь, лояльного) граждан к действующей политической власти, существующему политическому режиму.* Одним из направлений технологий, реализующих такую функцию, будут политические технологии, направленные на формирования требуемого имиджа политического актора. Например, технология «институт гражданского общества» – конструирование общественного мнения через формирование и деятельность различного рода социальных институтов. В России 1990-х гг. для каждого политика считалось необходимым иметь свое движение в его поддержку или партию (например, А. Лебедь – «Честь и Родина», Э. Россель – «Преображение Урала») [11].

3. *Функция ориентира для уточнения и корректировки политического курса развития страны.* Естественно, реализатором той или иной политической технологии может выступать не только команда политического лидера, партии, или специально нанятых специалистов – имиджмейкеров, но и сам политический лидер, выражающий интересы определенного социального или политического субъекта, но, к примеру, и глава государства.

К примеру (стандартная для США), технология buzz-making (создания информационной волны) работает следующим образом – лидеры мнений (политики, эксперты, общественные деятели) запускают трендовые идеи в Twitter, затем эти идеи раскручиваются в Facebook, после этого уже их подхватывают онлайн-СМИ, пресса, радио и ТВ [8]. Если переложить эту технологию на российскую действительность, то скорее всего, без учета особенностей использования социальных сетей в России не обойтись, т. е. возникает необходимость использовать «традиционные» для России социальные сети (рис. 1).

4. *Функция формирования политических идей, взглядов и настроений в обществе, идеологии политических партий и движений.* В Британии не запрещена сравнительная реклама и прямая антиреклама с упоминаниями оппонентов, что рядом экспертов рассматривается как «черные» технологии. Этой возможностью пользуются фактически все кандидаты и партии. Зачастую многие кандидаты фокусируются больше на технологии «негативных месседжах» и технологии «антирекламе» (технология «сравнительной рекламы»), направленной против противника, чем на собственной рекламе.

Применяя антирекламу, противники зачастую переходят на личности. Так, претендентка от партии консерваторов М. Самуэль-Лепорт запустила такую сравнительную рекламу, направленную против ее соперницы от лейбористов С. Кризи: «Молли Самуэль-Лепорт – уборщица, мать, ассистент продавца, жена, атлет, учитель, чемпион – понимает вас. С. Кризи – карьерный политик – понимает Эда Милибэнда». Тем самым Самуэль-Лепорт противопоставляла свой опыт работы и спортивной карьеры (она была неоднократной чемпионкой Англии и Европы по каратэ) карьере соперницы, которая всю свою сознательную жизнь проработала на политическом поприще. Кризи обвинила соперницу в грязной игре, заявив, что ей «в вину поставили тот факт, что она не является матерью». В итоге лейбористка победила со значительным отрывом – более чем в 23 тыс. голосов [8, с. 293–295].

Источник: [22] / Source [22]

Рис. 1. Наиболее популярные социальные сети в России с распределением по возрастным категориям
 Figure 1. The most popular social networks in Russia by age category

5. *Функция влияния на содержание и направленность политики, на стратегический курс государства. В качестве примера приведем технологию «создания кризисов». Сущность технологии – в дестабилизации ситуации, создании новой повестки дня (теракты, акции психологического устрашения). В Латвии, например, существует проблема с положением, так называемых неграждан Латвии. Незадолго до предстоящих переговоров между руководством Латвии и Европейского союза была сформирована информационная повестка дня для привлечения общественного внимания, что вызвало новый раунд обсуждения проблемы положения неграждан Латвии. Началась кампания, основной темой которой стало*

притеснение русскоязычных обучающихся в Латвии. При участии школьников, которые не согласны с запретом на преподавание на русском языке, они сняли видео на основе композиции Pink Floyd «Гимн против образования». Результатом стала сильная «шумовая» волна в СМИ. Комиссары Европейского союза были направлены для анализа ситуации. Правительству Латвии пришлось пересмотреть свою образовательную политику.

Выводы

В статье обозначены несколько дилемм, определяющих проблемное поле толкования понятия «политические технологии». Более-менее устоявшегося

подхода к определению сущности этого феномена в настоящее время нет. Однако, нам удалось выделить то объединяющее, что впоследствии послужило основой для генерации собственного определения понятия «политические технологии».

В авторском прочтении обоснована структура политических технологий. Выделены функции политических технологий. В качестве методологического основания для определения их функций взят достаточно универсальный политический феномен – политические интересы. Таких функций выделено пять. Каждая из функций прокомментирована (подкреплена) примерами реальных политических технологий.

Нами подчеркивается, что по своему содержанию, структуре и функциям политические технологии политически индифферентны. Если выразиться более упрощенно, то политические технологии, скорее всего «безразличны» по отношению к политическому процессу, к тому, кто их использует. Их особенность и результативность применения определяется тем политическим субъектом, которым они взяты на вооружение.

Обозначенный в авторском видении взгляд на политические технологии не является абсолютно исчерпывающим. Представленные размышления в статье могут послужить основанием в дальнейшей разработке этого понятия.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норит, 2006. 1536 с.
2. Бутрин, С. М. Политические технологии противодействия терроризму. Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 Москва, 2006. 22 с.
3. Вилков, А. А., Тимофеев, Е. И. Политическая технология брендинга региона как возможность формирования его положительного имиджа и повышения инвестиционной привлекательности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Том 19. № 3. С. 304–311.
4. Володенков, С. В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями: учебник. М.: РГ-Пресс, 2019. 584 с.
5. Гринфилд, А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 421 с.
6. Егорова, Ю. А. Роль целеполагания в системе управления // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 9. С. 91–92.
7. Забузов, О. Н. Государственный переворот: дихотомия смысла // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2015. № 2 (12). С. 18.
8. Как выигрывают выборы в США, Великобритании и Евросоюзе: Анализ политических технологий. М.: ООО «Паблис». 2015. 480 с.
9. Лепешкина, А. Б. Понятие, сущность, структура, классификация и роль педагогической технологии в образовательном процессе // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 02-1. С. 155–157.
10. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.
11. Минченко, Е. Н. Универсальные избирательные технологии и страновая специфика: опыт российских политических консультантов [Электронный ресурс]. –

References

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [*The large explanatory dictionary of the Russian language*], gl. red. S.A. Kuznetsov, St. Petersburg, Norit, 2006, 1536 p.
2. Butrin S. M. Politicheskie tekhnologii protivodeistviya terrorizmu [*Political technologies for countering terrorism*], Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02, Moscow, 2006, 22 p.
3. Vilkov A. A., Timofeev E. I. Politicheskaya tekhnologiya brendirovaniya regiona kak vozmozhnost' formirovaniya ego polozhitel'nogo imidzha i povysheniya investitsionnoi privlekatel'nosti [*Political technology of branding of the region as an opportunity to form its positive image and increase of investment attractiveness*], Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya [*Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*], 2019, vol. 19, no.3, pp. 304–311.
4. Volodenkov S. V. Politicheskii menedzhment i upravlenie sovremennymi politicheskimi kampaniyami [*Political management and managing contemporary political campaigns*], Moscow, RG-Press, 2019, 584 p.
5. Greenfield A. Radikal'nye tekhnologii: ustroystvo povsednevnoi zhizni [*Radical technologies: design of everyday life*], per. I. Kushnarevoi, Moscow, Izd. dom "Delo" RANKhiGS, 2018, 421 p.
6. Egorova Yu. A. Rol' tselepolaganiya v sisteme upravleniya [*The role of goal setting in the management system*], Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy, 2010, no. 9, pp. 91–92.
7. Zabuzov O. N. Gosudarstvennyi perevorot: dikhotomiya smysla [*State Coup: a dichotomy of meaning*], GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii, 2015, no. 2 (12), pp. 18.
8. Kak vyigryvayut vybory v SShA, Velikobritanii i Evrosoyuze: Analiz politicheskikh tekhnologii [*How elections in the USA, Great Britain and the European Union win: Analysis of political technologies*], Moscow, ООО "Pablis", 2015, 480 p.
9. Lepeshkina A. B. Ponyatie, sushchnost', struktura, klassifikatsiya i rol' pedagogicheskoi tekhnologii v obrazovatel'nom

- Режим доступа: www.minchenko.ru/netcat_files/pdf/universalqnye_stranovye_tehnologii.pdf (дата обращения: 22.04.2020).
12. Нагайчук, А. Ф. Структура и механизм социально-политических технологий регулирования конфликта // Конфликтология. 2017. № 12 (4). С. 76–92.
 13. Наим, М. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. М.: Изд-во АСТ, 2016. 512 с.
 14. Най, С. Джозеф (младший). Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 480 с.
 15. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
 16. Соловьев, А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. 559 с.
 17. Старкова, Е. В. Структура и содержание модульной технологии развития двигательного-координационных качеств у студенток педагогических вузов // Теория и практика физической культуры. 2009. № 5. С. 31–36.
 18. Уайз, Д., Росс, Т. Невидимое правительство. М.: Воениздат, 1965. 304 с.
 19. Шабров, О. Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 328–330.
 20. Шмитт, К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.
 21. Щербина, В. В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 113–124.
 22. Курносова, Е. Социальные сети в цифрах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ict.moscow/static/18apr-rif19-8-1230-kurnosova.pdf> (дата обращения: 22.04.2020).
 - protse [Concept, essence, structure, classification and the role of pedagogical technology in the educational process], *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Simvol nauki"*, 2017, no. 02-1, pp. 155–157.
 10. Mann M. Istochniki sotsial'noi vlasti: v 4 t. T. 1. Istoriya vlasti ot istokov do 1760 goda n.e. [*Sources of social power: A history of power from its origins until 1760 CE*], Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2018, 760 p.
 11. Minchenko E. N. Universal'nye izbiratel'nye tekhnologii i stranovaya spetsifika: opyt rossiiskikh politicheskikh konsul'tantov [*Universal electoral technologies and country specifics: the experience of Russian political consultants*]. Available at: www.minchenko.ru/netcat_files/pdf/universalqnye_stranovye_tehnologii.pdf (accessed 22.04.2020).
 12. Nagaichuk A. F. Struktura i mekhanizm sotsial'no-politicheskikh tekhnologii regulirovaniya konflikta [*Structure and mechanism of socio-political conflict management technologies*], *Konfliktologiya [Konfliktologia]*, 2017, no. 12 (4), pp. 76–92.
 13. Naim M. Konets vlasti. Ot zalov zasedanii do polei srazhenii, ot tserkvi do gosudarstva. Pochemu upravlyat' segodnya nuzhno inache [*The end of power. From boardrooms to battlefields, from church to state. Why do you need to manage today differently*], Moscow, AST, 2016, 512 p.
 14. Nay S. Joseph (mladshii). Budushchee vlasti [*The future of power*], Moscow, AST, 2014, 480 p.
 15. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [*Dictionary of the Russian language*], Moscow, Rus. yaz., 1986, 797 p.
 16. Solov'ev A. I. Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii: Uchebnyk dlya studentov vuzov [*Political Science: Political theory, political technologies: Textbook for University students*], Moscow, Aspekt Press, 2003, 559 p.
 17. Starkova E. V. Struktura i sodержanie modul'noi tekhnologii razvitiya dvigatel'no-koordinatsionnykh kachestv u studentok pedagogicheskikh vuzov [*Structure and content of modular technology for the development of motor coordination qualities among female students of pedagogical universities*], *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury [Theory and Practice of Physical Culture]*, 2009, no. 5, pp. 31–36.
 18. Wise D., Ross T. Nevidimoe pravitel'stvo [*Invisible government*], Moscow, Voениzdat, 1965, 304 p.
 19. Shabrov O.F. Politicheskie tekhnologii [*Political Technologies*], *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2012, no. 4, pp. 328–330.
 20. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [*The concept of political*], *Voprosy sotsiologii*, 1992, no. 1, pp. 35–67.
 21. Shcherbina V. V. Sotsial'nye tekhnologii: istoriya poyavleniya termina, transformatsiya sodержaniya, sovremennoe sostoyanie [*Social technologies: the history of the term, the transformation of content, the current state*], *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2014, no. 7, pp. 113–124.
 22. Kurnosova E. Sotsial'nye seti v tsifrakh [*Social networks in numbers*]. Available at: <https://ict.moscow/static/18apr-rif19-8-1230-kurnosova.pdf> (accessed 22.04.2020).